

УДК 821.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-453-460

Мотив полёта в лирике Ю. Шесталова

Д. В. Ларкович

*Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
dvl10@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья представляет опыт аналитической характеристики мотива полёта как значимого смыслообразующего и формотворческого фактора лирической системы Ю. Шесталова.

Цель: проследить варианты художественного функционирования данной категории поэтики в различных культурно-тематических контекстах и определить авторские образные модификации, актуализированные творческим сознанием крупнейшего мансийского поэта.

Материалы исследования: обширный корпус лирических текстов Шесталова (1950–1990-х гг.).

Результаты и научная новизна. Анализ лирики Ю. Шесталова позволил выяснить, что мотив полёта играет принципиально значимую смыслогенную роль в лирической системе мансийского поэта. Выполняя функцию межтекстовой скрепы, он задаёт магистральные траектории динамического развития сквозного сюжета, очерчивающего круг духовных поисков шесталовского лирического героя, который воспринимает полёт как способ обретения высшего знания, постижения сущности бытия, приобщения к мировой гармонии. Научная новизна исследования обусловлена тем, что подобный опыт аналитической характеристики мотива полёта в лирике Шесталова как диалогически продуктивного творческого импульса предпринят в научной практике впервые.

Ключевые слова: литература Югры, творчество Ю. Шесталова, мифология манси, мотив полёта, лирическое сознание.

Для цитирования: Ларкович Д. В. Мотив полёта в лирике Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 453–460.

The motif of flight in the lyrics by Yuvan Shestalov

D. V. Larkovich

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
dvl10@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article presents the experience of the analytical characterization of the flight motif as a significant meaning-making and form-making factor in the lyric system of Yu. N. Shestalov.

Objective: to trace the variants for the artistic functioning of this category of poetics in various cultural and thematic contexts and to determine the author's figurative modifications, actualized by the creative consciousness of the outstanding Mansi poet.

Research materials: the extensive corpus of lyric texts by Shestalov (1950–1990s).

Results and novelty of the research: analysis of the lyrics by Yu. Shestalov made it possible to find out that the flight motif plays a fundamentally significant semantic role in the lyrical system of the Mansi poet. Performing the function of an intertextual bond, it sets the main trajectories of the dynamic development of a cross-cutting plot that outlines the circle of spiritual searches of the lyrical hero of Shestalov, who perceives flight as a way of acquiring higher knowledge, comprehending the essence of being, and joining the world harmony. The scientific novelty is due to the fact that such an experience of analytical characterization of the flight motif in the lyrics of Shestalov as a dialogically productive creative system was undertaken in scientific practice for the first time.

Key words: literature of Yugra, creative work of Yu. N. Shestalov, Mansi mythology, flight motif, lyrical consciousness.

For citation: Larkovich D. V. The motif of flight in the lyrics by Yuvan Shestalov // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (3): 453–460.

Введение

«Отчего люди не летают так, как птицы?» («Гроза» А. Н. Островский), «Если б мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы» («Ася» И. С. Тургенев), «Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она – в паденье!» («Песня о Соколе» М. Горький). Этот ряд цитат из знаковых произведений русской литературной классики, выражающих неизбывную тоску человека о его небесной прародине, можно продолжать долго. Мыслью о полёте пронизана вся мировая культура с древнейших времён и по настоящий момент. Начиная с мифа о Дедале и Икаре, запечатлённого в «Метаморфозах» Овидия, вплоть до романов о «Звёздных войнах» Дж. Уотсон, Б. Дэйли, А. Оллстона и др., человечество стремилось выразить свою мечту о возможности преодоления законов гравитации и обретении способности перемещаться в небесном пространстве.

Как известно, зарождение самой идеи полёта восходит к архаичным культурам, которые рассматривают небо как сакральное, трансцендентное пространство, место пребывания Верховного Божества. Для человека возможность попасть на небо открывается только после его смерти в форме духовной сущности, освободившейся от бренной телесной оболочки. Однако практически в любой культурной традиции имеется та особая категория людей, представителям которой возможность восхождения или вознесения на небеса открывается ещё при жизни. В этом случае человек, обретающий способность оторваться от земной поверхности и устремиться в небесную высь, сам обретает сакральный статус и становится посредником между двумя сферами мироздания. По словам М. Элиаде, «сам факт отрыва от Земли уже представляет собой освящение или обожествление восходящего... Умение летать, обладание крыльями становится символической формулой превышения человеческого статуса; способность подниматься в воздух указывает на доступ к высшей реальности» [14, 111].

В частности, идея полёта хорошо знакома традиционной культуре народа манси и непосредственно связана с духовными практиками шаманизма. В представлении обских угров, шаман – это тот, кто, говоря словами современных этнографов, «является средством соприкосновения с миром сверхъестественных существ» [3, 248]. Находясь в пределах Среднего мира, шаман

способен устанавливать контакты и перемещаться в Нижний и Верхний миры в зависимости от тех функциональных установок, которые он в конкретный момент выполняет. Способность летать шаман обретает в процессе исполнения магического ритуального действия (камлания), а «техника экстаза позволяет ему покинуть своё тело и предпринять небесное странствие» [15, 179]. Нередко духовный полёт шамана сопровождается анимистическими метаморфозами, в результате которых происходит его перевоплощение в тотемную птицу, а сам полёт приобретает символический характер.

Константы традиционной культуры, запечатлённые в мифах, легендах, преданиях, оригинально преломляются, обретают новые смыслы и новое звучание в произведениях художественной литературы, которая, по справедливому замечанию словацкого исследователя В. Ляшук, «одновременно включает в себя собственный культурно-эстетический опыт и традиции, воплощённые в художественных произведениях», а создают её «национальные писатели, воспитанные на национальной классике и мировой литературе» [17, 93]. Так, в литературной практике Нового и новейшего времени идея полёта обретает характер сквозного мотива, который представлен в многочисленных модификациях авторской вариативности и обусловлен множественностью символических значений. В произведениях Ш. Бодлера, Э. Ростана, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, В. В. Каменского, М. И. Цветаевой, В. В. Набокова и другие этот мотив актуализирует такие семантические модели, как движение к Абсолюту, освобождение от мирской суеты, перемещение в сакральное пространство, демоническое стремление к беспредельной свободе, космическое странничество, творческий порыв, обретение высшей мудрости и др.

Мощный стимул к развитию этот мотив обретает в XX столетии благодаря развитию авиации и космонавтики, а литература этого периода формирует особый тип героя – человека-птицы. О таком типе сверхчеловека, наделённого уникальной способностью преодолевать силу земного притяжения и возноситься к небесам, писал, в частности, современник эпохи раннего воздухоплавания А. И. Куприн: «Да, это новая, совсем новая, странная порода людей, появившаяся на свет божий почти вчера, почти на наших глазах... в них много чего-то от свободных и сильных птиц – в этих

смелых, живых и гордых людях. Мне кажется, что у них и сердце горячее, и кровь краснее, и лёгкие шире, чем у их земных братьев. Их глаза, привыкшие глядеть на солнце и сквозь метель, и в пустые глаза смерти, – широки, выпуклы, блестящи и пристальны. В движениях – уверенная стремительность вперёд. Часто, внимательно вглядываясь, я ловлю в лицах знакомых мне лётчиков, в рисунке их черепа, лба, носа и скул какие-то неясные, но несомненные птичьи черты» [7]. В приведённом высказывании отчётливо слышатся отголоски архаичных представлений о том, что Homo Volantes («человек летающий»), – это существо особого порядка, наделённое сверхъестественными возможностями и отмеченное знаком высшей избранности.

В этом смысле творчество известного мансийского поэта Ю. Н. Шесталова органично встраивается и в традиционную культуру народа манси, и в мировую литературную традицию. Учитывая, что различные аспекты творческого наследия классика югорской литературы вызывают активный интерес широкого круга отечественных ([4; 5; 6; 11] и др.) и зарубежных ([16; 18; 19; 20] и др.) исследователей, следует иметь в виду то обстоятельство, что предложенный в настоящей статье опыт аналитической характеристики мотива полёта в лирике Шесталова, который играет важную роль в шесталовской поэтической системе и принципиально задаёт координаты его художественной картины мира, предпринят в научной практике впервые.

Материалы и методы

Изучение природы художественного функционирования и семантического наполнения данной категории поэтики проведено на материале обширного корпуса лирических текстов Шесталова (1950–1990-х гг.), которые маркированы словесными знаками, отмеченными полётной семантикой. При выполнении исследования были актуализированы эвристические возможности технологии мотивного анализа, который, по определению А. А. Асояна, «выявляет не столько целостность и качественные характеристики какого-либо отдельного произведения, сколько художественные функции мотива в произведениях, объединённых им в единое семантическое поле» [2, 23]. При этом важно уточнить, что *лирический мотив*, связывающий различные поэтические тексты в единый смысловой континуум, следует

понимать как первичный элемент лирического сюжета, предшествующий его непосредственному художественному осуществлению, но задающий конкретный вектор его развития. Результатом развития сюжета, как известно, является событие, но так как мы имеем дело с *лирическим событием*, то благодаря мотивному анализу получаем возможность наблюдать, как происходит «качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлечённого в лирический дискурс читателя» [9, 40]. Иными словами, мотивный анализ оказывается эффективным инструментом изучения природы художественного сознания поэта, опосредованного образом его лирического героя и воспринятого в ракурсе временной динамики.

Результаты

Изначально следует отметить, что лирический герой Шесталова – это личность исключительно мобильная, но его многочисленные путешествия по просторам Евразийского континента (Азербайджан, Венгрия, Литва, Казахстан, Бурятия, Финляндия, Греция и мн. др.) или поездки по родной Югре происходят преимущественно в горизонтальной плоскости. Однако неутолимая жажда полёта, стремление покинуть пределы земной поверхности и вознестись над повседневностью бытия определяют для него и средства к их осуществлению.

В этом смысле примечательно то, что взгляд шесталовского лирического героя нередко устремлён вверх, к небесам, у которых он как будто пытается найти ответы на волнующие его вопросы. Чаще всего это происходит ночью, когда небосклон усеян мириадами звёзд, которые своим таинственным мерцанием притягивают внимание задумчивого наблюдателя. Особенно выразителен этот визуальный контакт с небесными светилами на Полярном круге, где кажется, что дистанция между небом и землёй сокращена до минимума. Находясь на скованной полярными льдами пустынной земле, лирический герой пристально всматривается в ночную высь и обнаруживает, что «жизнь на небе», а «на снегу небесном / души умерших / пылают звёздными кострами» [13, II, 65]. Эта умозрительная инверсия – жизнь на небе, а на земле мертвенный покой – пробуждают в его душе невольное желание покинуть пределы ледяного оцепенения и вознестись туда, где

... в ледяном потоке лунной седины
мерцают яркие, живые искры.
То тени предков и призраки грядущего,
играя звёздным светом,
пляшут танец жизни. [13, II, 65]

Жажда полёта порождает и ситуации, в которых ощущение его реальности становится вполне отчётливым. Так, в стихотворении «Первый снег» (1955), написанном ещё совсем юным поэтом, запечатлено состояние восторга, вызванного ощущением всеобщего движения. Источником этого движения является сам лирический герой, который по первому снегу мчится на лыжах, вступая в состязание в скорости со встречным ветром, летящими в лицо снежными хлопьями, мелькающими по сторонам косматыми соснами. Стремительное перемещение в пространстве создаёт у лирического героя вполне осязаемую иллюзию полёта («Быстро / Лыжи я надел, / Палки взял / И полетел» [13, I, 40]). И хотя состязание проиграно («Вот упал я / На бегу, / Искупался / Я в снегу» [13, I, 40]), полноценное чувство радости, вызванное первым опытом левитации, остаётся.

Аналогичные ощущения лирический герой Шесталова переживает и во время езды на оленьей упряжке. В стихотворении 1957 года он восклицает:

Нужны мне крылья да ещё дорога,
Которой нет и не было длинной.
Пусть бьётся в сердце радость и тревога,
Пускай звучит, как песня, скрип саней.

[13, I, 238]

Дорога, проторённая сквозь снежный покров, ассоциируется у лирического героя с жизненной стезёй, которую он мыслит как неустанное движение к осуществлению своего предназначения, движение, связанное с преодолением преград, но неизменно сопровождаемое ощущением радости жизни и полноты бытия.

В то же время, будучи приверженцем традиционной культуры своего народа, шесталовский герой осознаёт, что живёт он «в крылатый век» [13, II, 144], т. е. век высоких скоростей, технического прогресса, прорыва в космическое пространство. Он не только не отрицает тех возможностей, которые открывают человеку современные конструкторские открытия, но и оценивает их преимущества. Так, полёт на самолёте связан у него с ощущением домашнего уюта и ассоциируется с движением на лодке по воде:

В светлом доме я сижу –
А плыву.

Но плыву не по воде –
В синеву.
Вижу: облако волной
Подой мной.
Но не брызг, ни плеска нет –
Ярок свет... [13, II, 328]

Радость полёта вызвана именно тем, что плавное движение по воздуху живо напоминает лирическому герою хорошо знакомое с детства ощущение перемещения по водной глади реки или озера. В этот момент ему открывается изначальный смысл понятия *воздухоплавание*, лично освоенный и пережитый пионерами мировой авиации. Подобное ощущение полёта как плавания встречается, например, в рассказе Л. Н. Андреева «Полёт», посвящённого лётчику-испытателю Льву Мациевичу: «Мнилось минутами, что летящий скользит и ищет прохода между облаками, как ищет между островами прохода мореплаватель: никто не знал внизу, как там просторно, как широки арчатые ворота и безбрежны голубые проливы, как царственно великолепен, широк и свободен небесный архипелаг» [1, 314]. Но лирический герой Шесталова к «крылатой ладью» соотносит не только самолёт, но космический корабль, отправляющийся с Байконура «в звёздный Космос» [13, II, 247], тем самым выражая мысль о равновеликой значимости горизонтального и вертикального векторов постижения мироздания.

Часто мотив полёта предстаёт в поэзии Шесталова в контексте любовных переживаний лирического героя. В его представлении, любовь – это окрыляющая сила, способная вознести человека над обыденностью жизни и приобщить к высшим формам бытия. В ранних стихотворениях поэт ещё использует формы условного наклонения в определении любовного чувства, например:

Будь любимая на небе –
Я за ней бы ввысь слетал.
Будь она звездою в небе –
Я её давно б сорвал. [13, I, 238]

Но в зрелой лирике Шесталова метафора *любовь как полёт* становится безусловной и приобретает вариативный характер. Так, в программном стихотворении «Что в силах я поведать о любви?» лирический герой размышляет об амбивалентной природе любовного переживания и приходит к выводу о её стихийной сущности, перед которой человеческий разум и воля оказываются беспомощны. Примечательно то, что в ряду многочисленных и контрастных определенных любви (*звенящий ручеёк, боль от нежности*

великой, буйство плоти, радостная жертва и т. п.) особое место принадлежит словесным знакам, отмеченным полётной семантикой: *окрылённое сердце, птица, оперенье, возвышать* и др. Подводя итог своим размышлениям, лирический герой резюмирует:

Ты в гневе от любви не отступайся,
Затем, что боль с любовью – две сестры.
Любовь душе отрачивает крылья,
И с нею камнем падает на землю;
Любовь нас сотрясает до корней
И поднимает на вершины духа. [13, II, 426]

Небо как сфера пребывания любви нередко становится у Шесталова местом встречи влюблённых, и поэтому преодоление разлуки любящих сердец, которая ассоциируется с туманной ночью, оказывается возможным только по воздуху («Ты наденешь / Печали крылья, прилетишь ко мне / И эту ночь туманную развеешь» [13, II, 282]). В связи с этим в целом ряде стихотворений Шесталова фигурирует образ женщины-птицы, способность летать («прорезать облака») которой обусловлена наличием любящего сердца и самоотверженным желанием спасти возлюбленного от одиночества. В этой образной фигуре отчётливо видится отсылка к отечественной литературной традиции, восходящей к памятному «Плачу Ярославны» из «Слова о полку Игореве» и получившей развитие в поэтической практике XX столетия (В. Я. Брюсов, М. И. Цветаева, Н. А. Заболоцкий, Л. К. Тагьяничева и др.): «Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю, / Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой, / Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном» (пер. К. Бальмонта) [10, 174].

Шесталов включается в эту традицию, но придаёт ей новый ракурс. В его любовной лирике речь идёт не только о платонически-возвышенном чувстве, лишённом чувственного эротизма. Воздушная сущность возлюбленной здесь не только не противоречит её телесной выразительности и плотской привлекательности, но, наоборот, органично с ними сочетается. Весьма показательна в этом отношении сцена любовного соития, метафорически воссозданная в стихотворении «Напиши мне единое слово...»:

Вспомни сказочной ночи горенье,
Вспомни жаркого ветра волненье,
Когда твоё гибкое тело
Над созвездьями неба летело.
Дивной музыки вспомни движенье,
Вспомни в небе своё отраженье. [13, II, 281]

Но наиболее частотный вариант осуществления мотива полёта в лирике Ю. Шесталова связан с шаманской ипостасью его лирического героя, которую, в частности, он открыто декларирует в стихотворении «Песнь Азербайджану»: «Я ликующий Юван, весёлый шаман... Я – окружённый / Волнами снега, / Юван, с тоскою / Глядящий на небо» [13, II, 250, 255]. Будучи внуком шамана и осознавая себя его наследником, Шесталов относится к той категории авторов, о которых упоминает Н. А. Непомнящих: «Писатель сравнивает художественное творчество и шаманские практики как два близких вида деятельности, приобщиться к которым может не каждый, а лишь тот, кто проходит своеобразное “избранничество” и посвящение. Кроме того, писатель, как и шаман, должен обладать особыми способностями и качествами, а также специфическими навыками» [8, 181]. К числу таких качеств, способностей и навыков кроме всего прочего относится левитация, т. е. способность человека летать без вспомогательных средств.

Как уже отмечалось, согласно мансийской культурной традиции, запечатлённой в мифах и преданиях, шаман – это человек, душа которого способна сообщаться с нижним и верхним мирами, за счёт чего он выполняет роль медиатора, посредника между всеми тремя ярусами мироздания, а следовательно, оказывается сопричастен всей полноте космического бытия. Знание о мире, полученное в процессе контактов с нижним и верхним мирами, шаман транслирует обитателям среднего мира посредством камлания, т. е. сакрального действия, предполагающего вербальное оформление обрётённого знания.

Особой разновидностью шаманского камлания, по мнению Шесталова, является литературное творчество, о чём в частности, упоминает Е. В. Чепкасов: «Ценность шаманского дара определяется тем, что шаманство, по Шесталову, является древней поэзией, которая породила поэзию современную... А если все шаманы в значительной мере поэты и артисты, то и шаманское становление должно быть поэтичным и желанным – именно таким, таким оно и предстаёт в произведениях Ю. Н. Шесталова» [12, 13–14]. На этом основании к числу шаманов в шесталовских текстах оказываются причислены русский поэт А. С. Пушкин, украинец Т. Г. Шевченко, чилиец П. Неруда, казах А. Алимжанов, призвание которых – воскресить Аполлона как средоточие жизнотворческой силы искусства, утраченной в условиях «атомного столетия».

Шаманский дар в полной мере присущ и лирическому герою его поэзии. Так, в стихотворении «Песнь Азербайджану» он восклицает: «... кас-кас-кас! – кричит во мне шаман, / И сердце зову праздничному вторит» [13, II, 253]. Подобные самоопределения и аналогичные можно найти и в других поэтических текстах Шесталова, а в стихотворении «Пусть луна взаправду тускло светит...» он признаётся: «И моё высокое камланье / никогда не кончится в груди» [13, II, 412]. Оставив за пределами настоящей статьи вопрос о контактах лирического героя в Нижним миром как выходящий за рамки заявленной темы, скажем несколько слов о его экскурсах в мир Верхний.

Как уже отмечалось, лирический герой Шесталова, подобно его автору, склонен к путешествиям по разным странам и континентам. Его привлекают новые впечатления, новые встречи и знакомства, которые непрерывно расширяют круг представлений о мире и его многообразии. Но перемещения по горизонтали не могут дать представления о всей полноте мироздания, и здесь ему приходит на помощь шаманский дар духовного полёта как способ приобщиться к этой полноте и по вертикали. Наглядной иллюстрацией подобного высокого созерцательного парения могут служить строки из «Сказки в синий полдень»:

И мой крылатый олень,
как никогда, крылат.
И летаю я
за семью морями,
семь частей света
измеряю глазами.
И земля мне чары
свои щедро дарит:
красотою ослепляет,
пышной речью оглушает,
в пляске буйной меня кружит,
солнцем греет,
вьюгой выюжит... [13, II, 124–125]

Свои духовные экскурсии ввысь поэт-шаман облакает в форму песни, в которой и содержится высшее знание о полноте и совершенстве мира. Так в поэзии Шесталова рождается образ песни-птицы, да и сам поэт отождествляется с птицей, в сердце которой сосредоточены вся мудрость и все сомнения, вся радость и боль, восторг и мука за судьбы мира и человечества:

Я – Стерх,
Я – журавль,
Священная птица.

Я плачу –
Внимают мне все колдуны,
Я плачу – шаманю,
Священные мысли
И мудрое слово
В мой плач вплетены. [13, II, 455]

В этом, по мнению Шесталова, и заключается священная миссия поэта, который, обладая даром абсолютного зрения и мистической певческой способностью, призван самим Небом передавать человечеству высшее знание языком песни-камлания, а торыг, арфа или бандура даны ему для того, чтобы освободить мир от зла и вернуть ему жизненные силы.

В результате поэт приходит к идее космического сознания, идее всеединства, утраченной человечеством в процессе развития цивилизации, но сохранившейся в природной религии манси и запечатлённой в сакральном слове «Торум». В лирической миниатюре 1996 года Шесталов резюмирует:

Шаманы и дети,
Как животные и растения,
Живут и действуют во всех трёх мирах,
Где живёт Торум.
Живя в гармонии с САМИМ СОБОЙ и с ТО-
РУМОМ

Они творят мировую гармонию. [13, I, 271]

По мысли поэта, жизнь в гармонии со всем мирозданием – это единственно возможный спасительный путь человечества, пребывающего в состоянии глубоких ментальных заблуждений и переживающего ситуацию глобального духовного кризиса как следствие утраты связи со своим Первоистоком. Для обретения космического сознания, т.е. безусловного понимания своей коренной связи со всей целостностью бытия, человек должен умереть и возродиться, но возродиться озарённым, ибо только Озарённый узрит Торума и «поднимется в Космос» [13, I, 306].

Обсуждение и заключение

Мотивный анализ позволил взглянуть на творчество Ю. Н. Шесталова с позиций «большой культуры», благодаря чему на конкретном художественном материале представилась возможность наблюдать непосредственные механизмы авторской трансформации устойчивых образных моделей традиционной культуры народа манси и принципиально уточнить природу творческого диалога югорского поэта с мировой художественной культурой.

В результате удалось выяснить, что мотив полёта играет принципиально значимую смысловую роль в лирической системе Шесталова. Выполняя функцию межтекстовой скрепы, он задаёт магистральные траектории динамического развития сквозного сюжета, очерчивающего круг духовных поисков шесталовского лирического героя, который воспринимает полёт как способ обретения высшего знания, постижения сущности бытия, приобщения к мировой гармонии. По мнению поэта, духовный полёт, доступный «озарённому» светом Истины, открывает человеку путь к самому себе, к его подлинному призванию, к смыслу его существования в мире.

Список источников и литературы

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Худож. литер., 1994. Т. 4: Рассказы. Сашка Жегулев. Пьесы. 1911–1913. 637 с.
2. Асоян А. А. *Proscholium*. Инструментарий и практика анализа литературного произведения. Омск: Наука, 2006. 222 с.
3. Бурькин А. А., Соловар В. Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири. Тюмень: Формат, 2017. 380 с.
4. Гаврилов В. В. Реализация концепта «река» в «югорском тексте» (на материале поэзии Ю. Шесталова) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 106–112.
5. Динисламова С. С. Миф в творчестве Ю. Шесталова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK320.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).
6. Динисламова С. С. Художественное своеобразие романа-камлания Ю. Шесталова «Откровение Крылатого Пастора» (2007) // Научный аспект. 2020. Т. 8. № 2. С. 1076–1085.
7. Куприн А. И. Люди-птицы. URL: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_4086_lyudi-ptizy.shtml (дата обращения: 10.06.2021).
8. Непомнящих Н. А. Литература и вопросы этнокультурной идентичности: тема шаманизма и сюжеты о шаманах в творчестве писателей Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 180–186.
9. Силантьев И. В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте (статья первая) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 39–56.
10. Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. 540 с.
11. Хайруллин Р. З. Эволюция образа мира и человека в поэтическом творчестве Ювана Шесталова 60–80-х годов XX века // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 3 (39). С. 386–394.
12. Чепкасов Е. В. Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю. Н. Шесталова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.
13. Шесталов Ю. Н. Собрание сочинений. В 5 томах. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997–1999. Т. 1, 480 с.; Т. 2, 528 с.
14. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / [Пер. с англ.]. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
15. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / [Пер. с фр. А. А. Васильевой, Н. Л. Сухачева]. М.: Ладомир, 2015. 552 с.
16. Domokos P. Az udmurt irodalom története. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. pp. 150–345.
17. Liashuk V. Ruské a bieloruské prekladové verzie poézie Jána Zambora ako esteticko-kultúrne komunikáty // Poetika poézie a jej prekladu. Venované životnému výročiu básnika, literárneho vedca a prekladateľa Jána Zambora. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. pp. 92–104.
18. Nagy K. Juvan Nyikolajevics Sesztalov manysi költő és író életműve I–II. Budapest: [w/p], 1989. 367 p.
19. Nagy K. Kellenek a szarnyak, mig tart az ut: Juvan Sesztalov 60 éves. Budapest: Finnugor Fuzetek, 1997. 108 p.
20. Toulouze E. Les Khantys et les Mansis au debut des années quatre-vingt dix // Peuples des Grands nord, Traditions et transitions. Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle INALCO, 1995. pp. 39–42.

References

1. Andreev L. N. *Sobranie sochinenij v 6-ti tt*. [Collected works in 6 vol.]. Moscow: Hudozh. Liter. Publ., 1994. T. 4: *Rasskazy*. *Sashka Zhegulev. P'esy*. 1911–1913 [Vol. 4: Stories. Sashka Zhegulev. Plays. 1911–1913]. 637 p. (In Russian)
2. Asoyan A. A. *Proscholium. Instrumentarij i praktika analiza literaturnogo proizvedeniya* [Proscholium. Toolkit and practice of the analysis of a literary work]. Omsk: Nauka Publ., 2006. 222 p. (In Russian)
3. Burykin A. A., Solovar V. N. *Issledovaniya po e'ntografii i fol'kloru narodov Severo-Zapadnoj Sibiri* [Research on ethnography and folklore of the peoples of Northwestern Siberia]. Tyumen: Format Publ., 2017. 380 p. (In Russian)
4. Gavrilov V. V. *Realizaciya koncepta «reka» v «yugorskom tekste» (na materiale poe'zii Yu. Shestalova)* [Realization of the concept «river» in the «Yugra text» (based on the poetry of Yuvan Shestalov)]. *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2021, no. 1, pp. 106–112. (In Russian)

5. Dinislamova S. S. *Mif v tvorchestve Yu. Shestalova* [The myth in the creative work of Yuvan Shestalov]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2020, no. 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/31FLSK320.pdf> (accessed July 12, 2021). (In Russian)
6. Dinislamova S. S. *Xudozhestvennoe svoeobrazie romana-kamlaniya Yu. Shestalova «Otkrovenie Kry'latogo Pastora» (2007)* [The artistic originality of the novel-kamlanie by Yuvan Shestalov «The Revelation of the Winged Pastor» (2007)]. *Nauchny'j aspekt* [Scientific Aspect], 2020, no. 2 (8), pp. 1076–1085. (In Russian)
7. Kuprin A. I. *Lyudi-pticy* [Bird people]. Available at: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/text_4086_lyudi-ptizy.shtml (accessed June 10, 2021). (In Russian)
8. Nepomnyashchikh N. A. *Literatura i voprosy' e'tnokul'turnoj identichnosti: tema shamanizma i syuzhety' o shamanax v tvorchestve pisatelej Sibiri* [Literature and issues of ethnocultural identity: the topic of shamanism and stories about shamans in the creative works of Siberian writers]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2019, no. 4, pp. 180–186. (In Russian)
9. Silantyev I. V. *Liricheskij motiv v stixotvornom i prozaicheskom tekste (stat'ya pervaya)* [Lyrical motif in a poetic and prosaic text (the first article)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2009, no. 2, pp. 39–56. (In Russian)
10. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1967. 540 p. (In Russian)
11. Khayrullin R. Z. *E'voljuciya obraza mira i cheloveka v poe'ticheskom tvorchestve Yuvana Shestalova 60–80-x godov XX veka* [Evolution of the image of the world and man in the poetry of Yuvan Shestalov in the 60s–80s of the XX century]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2020, no. 3 (39), pp. 386–394. (In Russian)
12. Chepkasov E. V. *Xudozhestvennoe osmy'slenie shamanstva v proizvedeniyax Yu. N. Shestalova* [Artistic understanding of shamanism in the works by Yu. N. Shestalov]. Saint-Petersburg, 2007. 22 p. (In Russian)
13. Shestalov Yu. N. *Sobranie sochinenij v 5 t.* [Collected works in 5 vol.]. Saint-Petersburg; Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo soznaniya Publ., 1997–1999. Vol. 1. 480 p.; Vol. 2. 528 p. (In Russian)
14. Eliade M. *Izbranny'e sochineniya. Oчерki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected works. Essays on comparative religious studies]. Moscow: Ladomir Publ., 1999. 488 p. (In Russian)
15. Eliade M. *Shamanizm i arхаicheskie texniki e'kstaza* [Shamanism and archaic techniques of ecstasy]. Moscow: Ladomir Publ., 2015. 552 p. (In Russian)
16. Domokos P. *Az udmurt irodalom története*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. pp. 150–345. (In Hungarian)
17. Liashuk V. Ruské a bieloruské prekladové verzie poézie Jána Zambora ako esteticko-kultúrne komunikáty. *Poetika poézie a jej prekladu. Venované životnému výročiu básnika, literárneho vedca a prekladateľa Jána Zambora*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. pp. 92–104. (In Slovak)
18. Nagy K. *Juvan Nyikolajevics Sesztalov manysi költő és iró életműve I–II*. Budapest: [w/p], 1989. 367 p. (In Hungarian)
19. Nagy K. *Kellenek a szarnyak, mig tart az ut: Juvan Sesztalov 60 éves*. Budapest: Finnugor Fuzetek, 1997. 108 p. (In Hungarian)
20. Toulouze E. Les Khantys et les Mansis au debut des annees quatre-vingt dix. *Peuples des Grands nord, Traditions et transitions*. Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle INALCO, 1995. pp. 39–42. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларкович Дмитрий Владимирович, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2), доктор филологических наук.

dv110@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5141-698

ABOUT THE AUTHOR

Larkovich Dmitry Vladimirovich, Professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (628417, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2), Doctor of Philological Sciences.

dv110@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5141-698